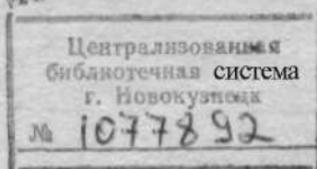

Ф. М. Достоевский

**МОЯ ТЕТРАДКА
КАТОРЖНАЯ
(Сибирская тетрадь)**

Издание подготовили
В. П. ВЛАДИМИРЦЕВ, Т. А. ОРНАТСКАЯ

КРАСНОЯРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

«Бедных людей», «Двойника» и «Хозяйки», умудренного читателя Пушкина и Гоголя, Гофмана и Шиллера. Живые ассоциативные представления, владевшие воображением писателя, не могли не преломиться в материалах Тетради. Не опирался ли автор «тетрадки каторжной» на пушкинское фундаментальное уважение к народной культуре, когда шаг за шагом воспроизводил сотни «мелочей» русского фольклора? Не вспоминались ли ему гофманские гротески, когда он помечал «нотабене» игравую запись «Ты мне черта в чемодане не строй!» (103)? Иной раз Достоевский, работая над услышанной фразой, одновременно как будто упражнялся в духе своих и гоголевских «чиновничьих» повестей: «А шинелишка-то на нем такая коротенькая, что только в ней от долгов бегать: видно, с чужого плеча» (368).

В Сибирской тетради Достоевский не расставался с художественным образом дорогих его сердцу «бедных людей». Из сырой массы текущего речевого материала он сознательно выбирал признаки угнетающей человека обездоленности, горемычности, нищеты: «А в доме такая благодать, что нечем кошки из избы выманить» (8); «Вся бедность просит. Собрали слезы, послали продать» (65); «А ты день не ешь, другой погоди, а третий опять не ешь» (275); «А много ль именья-то? Встанет со стула, и все с ним» (481). Двусторонние отношения таких записей вполне определены. Тема «бедных людей» в Тетради не только перекликается со знаменитым литературным дебютом Достоевского, но продолжает его демократическую и социально-критическую традицию.

Особо следует остановиться на семипалатинских записях в «тетрадке каторжной». Замечательно, что некоторые из них носят явно личный, дневниковый характер. Расшифровке этих биографических деталей долгое время мешало неуверенное и неправильное прочтение «загадочного слова» — латинского горестного междометия «eheu» («увы») в шести записях: 364, 387, 398, 429, 435 и 469²⁵.

Дневниковые записи ссылочного семипалатинца Достоевского, после реконструкции и восстановления «eheu», выглядят так:

<1855 г.>

Eheu!

(Eheu 5 июля)

(Eheu! 28 августа)

<1856 г.>

Eheu 20 марта

Eheu! 8 мая

17 августа

(26 сентября <18> 56. Ожидание.)

(18 октября <ръя>)

(19 декабря <18> 56. Надежда!)

<1857 г.>

(11 мая)

<1860 г.>

(Eheu. Отъезд М <апи>. 6 сентябр <я> <1> 1860).

Все одиннадцать биографических записей в Тетради имели чрезвычайное значение для Достоевского. Это был зашифрованный дневник чувств писателя: перечень дат имел самое прямое отношение «к Марии Дмитриевне Исаевой, будущей жене Достоевского. За грустной пометой eheu — «увы» таились эмоциональные бури, горести и надежды ссылочного Достоевского.

Первую запись (364), вероятнее всего, следует датировать июнем 1855 г., когда состоялся отъезд семьи Исаевых в Кузнецк, 4 июня Достоевский с глубокой печалью писал Марии Дмитриевне: «Вот уже две недели, как я не знаю, куда деваться от грусти. ...» Право, это время похоже на то, как меня первый раз арестовали в сорок девятом году и схоронили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого». Вторая помета (387) — июльская — вызвана тон же непреходящей тоской. Запись от 28 августа (398) тесно сопряжена с драматической ситуацией, в которую попала Исаева после внезапной смерти мужа. В те дни Мария Дмитриевна писала Достоевскому очень часто. А Достоевский делился печальными новостями со своим другом А. Е. Врангелем, которому сообщал 14 августа: «Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь расстроен. ...» Несчастная Мария Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях. ... Она в отчаянии. В каждой строке письма ее видна такая грусть, что я не мог без слез читать ...». Пишет, что чувствует себя очень нехорошо здоровьем».

Исаева вместе с малолетним сыном осталась без средств к существованию, и Достоевский, не имея возможности оказать ей помощь, испытывал еще большие душевные муки. 21 августа он писал брату Михаилу о своей «безвыходной тоске».

Записи 1856 г. от 20 марта (429) и 8 мая (435) отражают душевные терзания Достоевского, вызванные известием о предполагаемом замужестве М. Д. Исаевой и тягостным ожиданием перемен в его положении, а их могло дать лишь получение офицерского чина. Слухами о том, что Мария Дмитриевна намерена выйти замуж за другого, Достоевский был поражен, «как громом». И еще больше потрясен он был письмом от самой Исаевой. Потянулись

²⁵ Орнатская Т. И. Сибирская тетрадь. — В ст.: Достоевский, Материалы и исследование. Вып. 5, Л., 1983, о. 222—225.

М. Д. Исаева, первая жена Достоевского.
Фотография, конец 50-х годов XIX в.

самые черные дни Достоевского в ссылке. 23 марта 1856 г. он писал Врангелю: «Неподвижная идея в моей голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! <...> Я сказал, что я умру, если лишусь ее. <...> Но рассудите: что же делать было ей, бедной, заброшенной, болезненно-минтальной и наконец потерявшей всю веру в устройство судьбы моей! Ведь не за солдата же выйти ей <...>. Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Сердце сосет тоска смертельная <...>. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается 2 года, слышите, 2 года <...>. Я погибну, если потеряю своего ангела: или с ума сойду, или в Иртыш!»

Рядом с последующими записями (442, 450, 453, 459, 469) слово «*eheu*» отсутствует: Достоевскому обещали скорое получение офицерского чина; ожили и надежды на брак с Исаевой. Приказом от 1 октября 1856 г. Достоевский был произведен в прaporщики; венчание его с Марией Дмитриевной состоялось 6 февраля 1857 г. «*Eheu*» вытеснили другие слова: «ожидание», «надежда».

Ко времени последней, 486-й записи Сибирская тетрадь уже перестала быть записной рабочей книжкой Достоевского. Он оставил Тетрадь еще весной — летом 1857 г. (см. запись 469), по-видимому, так и не успев внести в нее (или в ее продолжение) все накопленные за годы каторги, солдатчины и поселения фольклорно-языковые материалы²⁶. Семейная жизнь, денежные хлопоты, подорванное здоровье, планы на скорое возвращение в Петербург, упорядоченно вспыхнувшие новые творческие интересы — все это прервало работу писателя над «тетрадкой каторжной». Но он вдруг возвращается к ней еще раз 6 сентября 1860 г., чтобы обозначить выразительным «*eheu*» печальный факт: в этот день больная чахоткой «Мария Дмитриевна уехала на зиму в Москву, надеясь переменой климата поправить здоровье. Далее идет полоса раздельной жизни супружеских Достоевских. Писатель живет в Петербурге, помогая бра-

²⁶ Правомочно составить список сибирских или каторжных выражений и слов, не вошедших в Тетрадь, но сохранившихся в памяти Достоевского, (а возможно, и записанных им на листках-«карточках», которые до нас не дошли): «образить» (22, 26); «Ты всего-то из банной мокроты зародился» (24, 244); «стучать» (языком) (8, 457); «ти-ти-ти-ти!» (4, 203); «заимка» (4, 168, 183); «ши с усердием» (осердием) (4, 200); «подполье» (из этнографии крестьянского жилища); «физик» (3, 25) и т. д.

ту Михаилу поставить на ноги и упрочить журнал «Время», и лишь иногда совершают поездки к жене. Так продолжалось, с летними перерывами, до 1863 г., а последние месяцы жизни Марии Дмитриевны Достоевский проводит возле нее.

Помимо Сибирской тетради, помета «eheu» встречается еще три раза в рукописях Достоевского. Так, в «Записной книжке 1863 — 1864 гг.» она сопровождает дату 16 апреля 1864 г. — день смерти Марии Дмитриевны, как бы завершая, хотя уже и за пределами Тетради, интимный дневник «тетрадки каторжной».

Биографический слой в Тетради имеет немаловажное значение как сам по себе, так и для методики историко-литературного освещения всей вещи в целом. Расшифровка «eheu» весьма поучительна. Она побуждает вновь и вновь заключать, что записи в «тетрадку каторжную» не носили дежурного и необязательного характера, не были чем-то вроде пассивных словесных занятий формального назначения. Логично допустить, что Достоевский, как правило, наряжал тетрадные заметки громадной силой своих впечатлений, переживаний и раздумий.

Как же сложилась творческая судьба 523 записей в дальнейшем? Какое место заняли они в произведениях Достоевского?

По нашим подсчетам, писатель обращался к цитатным творческим заимствованиям из текстов Сибирской тетради около 560 раз (из них, кстати, выше 330 не отмечено в комментариях Академического собрания сочинений), причем почти половина — более 290 — случаев падает на «Записки из Мертвого дома». Часто Достоевский пользовался одними и теми же записями по многу раз (16, 38, 83, 90, 127, 243, 310 и др.). Есть тексты-«рекордсмены». Балагурное присловье «Морген фри, нос утри» (434) писатель включал в художественные и публицистические произведения 11 раз. Вместе с тем в Тетради оставался неиспользованным солидный резерв — более 140 отдельных пронумерованных записей.

Обычно фразеологизмами и словечками из «тетрадки каторжной» изъясняются у Достоевского народные персонажи: обитатели Мертвого дома, крестьяне, ремесленники, мещане, слуги, странники-богомольцы. Но встречаются они и в речах «ненародных» героев (Горянчиков, Бахчеев, Маслобоев, Разумихин, Лебедев и др.). Охотно пользовался тетрадными материалами и сам писатель в своей публицистике.

Представляет интерес и то, как располагаются вслед за «Записками из Мертвого дома» другие крупные произведения Достоевского по частоте цитации из Сибирской тетради: «Село Степанчиково» — 55 случаев, «Бесы» — 50, «Братья Карамазовы» — 32, «Подросток» — 28, «Дневник писателя» — 25, «Преступление и на-